

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОРРЕСПОНДЕНТОВ-ЕВРЕЕВ
И РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ «БЕЗБОЖНИК»:
ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ СТОРОН
В ОТНОШЕНИИ ЕВРЕЙСКИХ СМЫСЛОВ**

Алеся Николаевна Некрасова

Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия
nelesy2@gmail.com

А н н о т а ц и я : Статья посвящена взаимодействию корреспондентов-евреев с редактором газеты «Безбожник». Корреспондентское письмо рассматривается как реплика, адресованная редактору и рассчитанная на ответное действие. В этой реплике корреспондент занимает определенную эпистемическую позицию и одновременно приписывает эпистемическую позицию собеседнику в отношении культурных нарративов. Нарративы выступают как элемент контекста, из которого собеседники черпают смысл и цель своего действия. Задача исследования — показать, как происходила сцепка единичного действия и нарратива в конкретном взаимодействии, т.е. как корреспонденты-евреи позиционировали себя и редактора в отношении еврейских нарративов. Автор стремится эксплицировать микромеханику этого позиционирования, в частности определить маркеры, которые корреспондент расставлял в своей реплике для собеседника. Для решения этой задачи используются принципы разговорного анализа и теория позиционирования Рома Харре. В качестве примера автор рассматривает три письма с традиционными еврейскими сюжетами, где говорится о празднике совершеннолетия мальчика (бар-мицве), синагоге как месте собрания общины и о том, каким должен быть правильный еврей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : теория позиционирования, разговорный анализ, эпистемический статус, еврейские нарративы, движение рабселькоров, газета «Безбожник».

Б л а г о д а р н о с т и : Исследование проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А.И. Клячина. **Д л я с с ы л о к :** Некрасова А. Взаимодействие корреспондентов-евреев и редактора газеты «Безбожник»: позиционирование сторон в отношении еврейских смыслов // Антропологический форум. 2023. № 57. С. 86–107.

d o i : 10.31250/1815-8870-2023-19-57-86-107

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/057/nekrasova.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2023, NO. 57

**INTERACTION BETWEEN JEWISH CORRESPONDENTS
AND THE EDITOR OF THE ANTI-RELIGIOUS
NEWSPAPER *BEZBOZHNIK*: POSITIONING OF PARTICIPANTS
IN RELATION TO JEWISH COLLECTIVE MEANINGS**

Alesya Nekrasova

Independent researcher
St Petersburg, Russia
nelesy2@gmail.com

A b s t r a c t : This article examines the interaction between Jewish correspondents and the editors of the anti-religious newspaper *Bezbozhnik*. The correspondent's letter is treated as a turn at talk designed and produced so as to be recognized by interlocutor. In this turn at talk, the correspondent takes a certain epistemic position and simultaneously ascribes an epistemic position to the interlocutor in relation to the narratives. Narratives are treated as elements of the social context from which the interlocutors take the intents for their actions. The task of the study is to understand how a unit act and a narrative are coupled in interaction; that is, how Jewish correspondents position themselves and the editors in relation to Jewish narratives. The article aims to reveal the mechanics of this positioning and to identify positioning markers that the correspondent placed in their turn at talk for the interlocutor. For this purpose, the author uses the principles of conversational analysis and the positioning theory developed by Rom Harre. Three letters with traditional Jewish themes are drawn on as examples. They are dedicated to the celebration of the boy's coming-of-age (bar mitzvah), the synagogue as a meeting place for the community, and what a real Jew should be like.

Key words: positioning theory, conversation analysis, epistemic status, Jewish narratives, rabselekor movement, *Bezbozhnik* newspaper.

A c k n o w l e d g e m e n t s : The study was conducted within the framework of the Grant Program provided by the Research Center of the Jewish Museum and Tolerance Center Private Cultural Institution (Moscow) with the financial support of A. I. Klyachin.

T o c i t e : Nekrasova A., 'Vzaimodeystvie korrespondentov-evreev i redaktora gazety "Bezbozhnik": pozitsionirovanie storon v otnoshenii evreyskikh smyslov' [Interaction between Jewish Correspondents and the Editor of the Anti-Religious Newspaper *Bezbozhnik*: Positioning of Participants in Relation to Jewish Collective Meanings]. *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 57, pp. 86–107.

d o i : 10.31250/1815-8870-2023-19-57-86-107

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/057/nekrasova.pdf>

Алеся Некрасова

Взаимодействие корреспондентов-евреев и редактора газеты «Безбожник»: позиционирование сторон в отношении еврейских смыслов

Статья посвящена взаимодействию корреспондентов-евреев с редактором газеты «Безбожник». Корреспондентское письмо рассматривается как реплика, адресованная редактору и рассчитанная на ответное действие. В этой реплике корреспондент занимает определенную эпистемическую позицию и одновременно приписывает эпистемическую позицию собеседнику в отношении культурных нарративов. Нарративы выступают как элемент контекста, из которого собеседники черпают смысл и цель своего действия. Задача исследования — показать, как происходила сцепка единичного действия и нарратива в конкретном взаимодействии, т.е. как корреспонденты-евреи позиционировали себя и редактора в отношении еврейских нарративов. Автор стремится эксплицировать микромеханику этого позиционирования, в частности определить маркеры, которые корреспондент расставлял в своей реплике для собеседника. Для решения этой задачи используются принципы конверсационного анализа и теория позиционирования Рома Харре. В качестве примера автор рассматривает три письма с традиционными еврейскими сюжетами, где говорится о празднике совершеннолетия мальчика (бар-мицве), синагоге как месте собрания общины и о том, каким должен быть правильный еврей.

Ключевые слова: теория позиционирования, конверсационный анализ, эпистемический статус, еврейские нарративы, движение рабселькоров, газета «Безбожник».

Письма местных авторов в советскую антирелигиозную газету как источник для исторического исследования приходится защищать. Факты в них кажутся наблюдателю недостоверными, а мнения авторов ангажированными. При этом у писем есть значимое для исследования свойство — выраженная интеракционность: авторы писали их в ответ на запрос редакторов газеты, реагировали на те или иные речевые и неречевые действия редакторов, посылали запросы сами, а редакторы в свою очередь давали авторам инструкции, принимали решение о публикации, меняли по своему усмотрению текст писем и публично комментировали их на страницах газеты. Это было социальное взаимодействие, обмен действиями между собеседниками. Поэтому для анализа здесь могут подойти инструменты, заостренные под исследование структуры взаимодействия. Тогда можно задаться вопросом, какие действия совершали участники и что это для них значило.

Алеся Николаевна Некрасова
Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия
nelesy2@gmail.com

В статье я рассматриваю речевое взаимодействие редакторов газеты «Безбожник» и кор-

респондентов-евреев. Это взаимодействие происходило в рамках движения рабочих и сельских корреспондентов — рабселькоров. С 1923 г. советские газеты пытались вовлечь граждан СССР в политическую и общественную жизнь. Для этого они призывали сначала рабочих, а затем и всех желающих писать письма в редакцию. Граждане СССР охотно откликались.

Исследовательская задача состоит в том, чтобы адекватным образом извлечь из такого источника нужную информацию о конкретных людях в конкретный исторический момент: о том, какие действия они совершали и какие ставили цели. Речь в этом случае идет о нерелексивных единичных действиях людей, результатом которых становилась социальная и культурная реальность.

Извлечь «адекватным образом» значит сделать это так, чтобы не включить в описание внешние смыслы и сюжеты и попытаться увидеть, что «на самом деле» происходило в ситуации взаимодействия. Подходящий для этого инструментарий, как мне кажется, дает конверсационный анализ. Я пробую совместить принципы конверсационного анализа и теорию позиционирования Рома Харре, которая добавляет к аналитике действия понятие нарратива. Нарратив — это элемент контекста, из которого говорящий черпает смысл и цель для своего действия. Задача в итоге сводится к тому, чтобы выяснить, как в конкретном взаимодействии происходила сцепка единичного действия и нарратива.

В широком смысле меня интересует каузальная связь между отдельными действиями советских людей в 1920–1930-е гг. и нарративами, которые они воспроизводили или отвергали. Но здесь речь пойдет только о корреспондентах-евреях и тех действиях, которые они совершали в границах свое (еврейское) — чужое (нееврейское). Я рассмотрю три конкретных случая, когда авторы позиционировали себя и проецировали позицию собеседника в отношении еврейских нарративов.

В этом узком смысле исследование вписывается в контекст рассуждений о «тонкой культуре» постсоветских евреев и о том, как она формировалась. Эту метафору предложил Цви Гительман, изучавший идентичность постсоветских евреев. Он утверждал, что у постсоветских евреев нет признаков настоящей, «плотной» идентичности, т.е. языка, религии, обычаев. Есть лишь субъективное чувство принадлежности к еврейству [Gitelman 2003]. С тех пор исследователи еврейской культуры, в основном антропологи, неоднократно опровергали утверждение Гительмана с помощью данных из интервью с евреями старших поколений. Затем они открыли для себя письменные

источники личного происхождения¹. Работа с письмами евреев в газету «Безбожник», как кажется, может дать новые аргументы в этой дискуссии.

Данные

В архивных коллекциях сохранилось несколько сотен писем в редакцию газеты «Безбожник»². Большая их часть относится к 1928–1931 гг., в основном это письма с отметкой «не пойдет [в печать]». Я выделила среди них около 50 еврейских писем, которые определяла по имени автора и по наличию в тексте мотивов и сюжетов из еврейских нарративов. Еврейскими я называю такие нарративы, которые евреи сочли бы своими, а неевреи посчитали бы чужими. То есть те, которые можно найти в еврейских молитвах, сказках, стихах, романах. Например, в корреспондентских заметках встречается сюжет о зловонном сторбленном меламеде (учителе), который бьет учеников палкой [Шур 1926] (ср., например: [Левин 1931: 63, 117–124]). Или о статном и волевом молодом еврее, который преодолевает препятствия нетрадиционным для евреев способом [Маллори 1927] (ср., например: [Кипнис 1930: 120–124, 140]). В письмах, которые я рассмотрю подробнее, речь идет о празднике совершеннолетия (бар-мицве), синагоге как традиционном месте собраний и о том, каким должен быть правильный еврей.

Корреспондентский отдел в редакции «Безбожника» существовал с момента появления газеты, но активно заработал в 1925 г. Здесь я использую письма, присланные в редакцию в 1928 г. Такой выбор определен прежде всего тем, что среди найденных в архиве писем наибольшее количество относится именно к этому времени. Вместе с тем это исследовательская удача, потому что социокультурный контекст этих писем схожий, что делает их сопоставительный анализ релевантным и более наглядным.

Ответственным редактором газеты был Емельян Ярославский, но в рутинной работе редакции он не участвовал. С письмами корреспондентов работал заместитель ответственного редактора Михаил Шейнман. Оба они были евреями. Однако я полагаю, что большая часть корреспондентов об этом не знала и не могла принимать в расчет. Имя Ярославского указывалось

¹ См., например, программу конференции «След от гвоздя: поиски “тонкой культуры” в советских и постсоветских эго-документах», проведенную Еврейским музеем и Центром толерантности совместно с кафедрой теологии иудаизма, библеистики и иудаики РГГУ 14–15 апреля 2021 г.: <https://www.jewish-museum.ru/research-center/events/sled-ot-gvozdya/?fbclid=IwAROC1b6WNfMOM8VQCaGG4pqcVBAjCdIvtdmqr_IePrufgqnnUyrQfta02w>.

² Редакционный архив разделен на несколько частей и хранится в разных архивных ведомствах: Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Москва) и Научно-историческом архиве Государственного музея истории религии (НИА ГМИР, Санкт-Петербург).

на страницах газеты, но не позволяло судить об этнической принадлежности редактора. Информации о Шейнмане в газете не было. Далее, говоря о «редакторе», я подразумеваю обобщенный образ, которому корреспонденты адресовали свои сообщения.

Редакторы «Безбожника», вероятно вслед за литераторами Левого фронта, видели в рабселькоровском движении что-то вроде курсов писательского мастерства¹. И предлагали корреспондентам одновременно роли ученика, автора и собирателя местных новостей. Поэтому среди корреспондентских писем можно встретить разные форматы: короткие ученические заметки, развернутые авторские тексты, сухие и шаблонные новостные сообщения. Ниже я рассмотрю письма, которые можно определить как авторские комментарии к актуальным событиям.

Метод

Подход к речи как к действию предложил английский философ и логик Джон Остин. В знаменитом курсе лекций, опубликованном под названием “How to Do Things with Words”, Остин среди прочего говорил о практическом эффекте высказывания, т.е. действию, которое совершается высказыванием (иллокутивный акт) или является следствием высказывания (перлокутивный акт) [Austin 1962: 101–107].

Идею о слове как действии развили последователи Остина. Его ученик Ром Харре предложил анализировать высказывание с помощью специальной схемы с тремя составляющими: 1) позиции, которые говорящий приписывает себе и собеседнику в зависимости от взаимных прав и обязанностей, 2) сюжеты, с которыми говорящий связывает эти позиции и которые, в свою очередь, черпает из общего нарративного репертуара культуры, 3) действие, которое говорящий совершает через высказывание [Langenhove, Harré 1999: 16–18]. Эти три компонента влияют друг на друга: говорящий действует под влиянием нарратива, он занимает определенную позицию в отношении этого нарратива, а его позиция, в свою очередь, влияет на нарратив — поддерживает, развивает или отменяет его. Харре подчеркивает предписывающую силу нарративов: в них почти всегда содержатся моральные императивы и руководство относительно того, что должно, а что нет [Брокмейер, Харре 2000: 37; Harré et al. 2009: 9, 12].

¹ Ср.: [Чужак 2000] и требования к корреспондентским заметкам в разделе «Почтовый ящик» (Безбожник. 1925, 8 фев., 30 мая, 21 июня; 1926, 21 марта; 1927, 1 и 29 мая).

Посмотрим, например, на отрывок из письма И. Вайсборда в редакцию «Безбожника» (подробный анализ см. ниже):

Когда еврейскому мальчику исполняется 13 лет — он по религиозному закону считается уже совершеннолетним и своею шкурою отвечает за свои грехи (раньше за них отвечали родители). Но самое главное он надевает «тфилим».

Следуя за Харре, мы могли бы сказать следующее. Автор занимает позицию того, кто обладает знанием о еврейском мире. Он знает, что определенные сущности (тринадцатилетние мальчики, закон, родители, тфилим¹) имеют определенные свойства (еврейские, религиозные) и связаны должными отношениями (отвечает за свои грехи, отвечают за грехи детей, надевает). То есть он знает нарративы еврейской культуры и умеет их правильно использовать в ситуативных сюжетах. При этом он не сопротивляется норме, предписанной этим нарративом. Одновременно Вайсборд приписывает редактору позицию того, кто согласится с его правом на знание о еврейском мире. Эффект, которого нужно достичь, — приписать себе и редактору такие позиции, которые тот не опровергнет.

Вероятно, дальше исследователь мог бы изучить все письма, в которых развиваются сюжетные линии из еврейских нарративов, и затем сказать: такие-то корреспонденты воспроизвели такие-то нарративы с авторитетной эпистемической позиции, это еврейские нарративы, значит эти корреспонденты были членами еврейской общности. Ведь нарративы обладают силой формировать идентичности и конституировать сообщества [Harré et al. 2009: 19–21; Александер 2013: 82–93]. Кроме того, исследователь мог бы выяснить, что в результате участия этих корреспондентов в этом взаимодействии еврейские нарративы поддерживались или менялись так-то. Эта исследовательская стратегия кажется довольно перспективной в отношении таких источников, как письма. Она позволила бы, во-первых, ответить на вопрос, было ли вообще такое сообщество, как советские евреи, а во-вторых, исследовать это потенциально возможное сообщество и его нарративы диахронически. Но эта стратегия уводит в сторону от исследования конкретной ситуации взаимодействия.

Если исследователь задается целью выяснить, что происходило в конкретной исторической ситуации, теории Харре недостаточно. Харре рассуждает исходя из философской и психологи-

¹ Тфилим (тфилин) — две маленькие коробочки из выкрашенной черной краской кожи, внутри которых лежат кусочки пергамента с отрывками из Пятикнижия.

ческой парадигмы. Как философа его интересуют свойства и основания нарративов [Брокмейер, Харре 2000; Харре 2006]. Как психолога — то, как нарративы через речевые практики конституируют индивидуальный опыт и создают идентичности на индивидуальном уровне [Davies, Harré 1990]. Харре придает большое значение взаимодействию, но почти не занимается проблематикой единичного действия. Он указывает, что занимаемые участниками позиции зависят от ситуативных прав и обязанностей, но не разъясняет микромеханику этого процесса. Теория Харре не позволяет доказать, что Вайсборд утверждает перед собеседником свое право на еврейское знание. Не является ли его сообщение, например, имплицитным вопросом редактору: «Можно мне так высказываться?» И как исследователю убедиться, что он не приписывает собственный смысл чужим действиям?

Конверсационные аналитики на это сказали бы, что нужно посмотреть на ответное действие собеседника [Сакс и др. 2015]. Если бы редактор ответил «да» или «нет», то наблюдатель бы заключил, что реплика Вайсборда сработала как вопрос. Или редактор мог сказать: «Полагать, что тфилим — это самое главное, ошибочно». Тогда наблюдатель сделал бы вывод, что сообщение Вайсборда сработало как утверждение. То есть исследователь может обоснованно судить о том, что происходит в конкретной ситуации, только по взаимным действиям участников.

Однако с письмами в «Безбожник» есть трудность, возможно непреодолимая: почти никогда не удастся обнаружить ответ на письмо. Я рассмотрю эту проблему отдельно.

Письма в газету как очерёдно организованное взаимодействие

Метод конверсационного анализа (КА) опосредованно тоже наследует теории речевых актов. Он возник в дисциплинарном поле социологии и этнометодологии и потому сосредоточен на механике действия, а не на мотивах его совершения. Главный объект КА — это «речь-во-взаимодействии», т.е. взаимно ориентированные действия собеседников, совершаемые через реплики [Корбут 2015]. Ключевым для КА является представление об организации очередности в разговоре, т.е. о том, как собеседники сменяют друг друга и каким образом согласуют свои действия.

Традиционно конверсационные аналитики имеют дело со спонтанным свободно протекающим разговором. Для детальной фиксации такого разговора они выработали специальную си-

стему транскрибирования [Jefferson 2004]. Основной методологический вопрос моего исследования состоит в том, можно ли применить конверс-аналитический подход к таким опосредованным («второстепенным» [Корбут 2015: 122]) источникам, как письма.

Очевидно, что общение корреспондентов и редакторов нельзя приравнять к обыденному разговору. Это взаимодействие не «лицом-к-лицу». Письмо по сравнению с репликой в разговоре слишком длинное, в нем совершается сразу несколько речевых актов. Промежуток между ходами растянут во времени. В распоряжении участников нет мимики, жестов и других телодвижений. Инструменты просодии ограничены. Средства действия воплощаются только графически.

Тем не менее это взаимодействие определенно представляло собой очерёдно организованную социальную практику, «систему речевого обмена» [Сакс и др. 2015: 142]), предполагавшую обмен репликами, а значит и определенными действиями. Редактор «Безбожника» приглашал к взаимодействию, резервировал право на высказывание за любым потенциальным участником (на самом деле за любым релевантным участником, но границы релевантности не были четко определены и оставались полем интерпретации корреспондентов). Затем участники осуществляли самовыбор, т.е. по собственной инициативе включались во взаимодействие, вызываясь высказаться. Реплика корреспондента, с одной стороны, была ответом на приглашение, а с другой — сама инициировала продолжение взаимодействия, так как требовала ответных действий редактора. Редактор в ответ либо молчал, либо исправлял реплику корреспондента и публиковал исправленную заметку. Дальнейшие ответные действия не предполагались, но могла начаться новая последовательность реплик (секвенция).

Иногда редактор отвечал корреспонденту «по существу». Например, в разделе «Почтовый ящик» редактор газеты ответил корреспонденту Альтовскому из Москвы, что его заметка «Из чего состоит человек» — это «бессвязное (без всякого плана) хождение вокруг вопроса о душе», что автор читает неподобающую литературу и «считается со вздорной книжкой спирита Кэдди как с серьезным научным трудом», вдобавок ко всему его язык «недостаточно литературный» [Почтовый ящик 1927]. Поскольку редактор возразил на конкретные положения из письма Альтовского, значит, письмо сработало как утверждение. Вслед за этим Альтовский мог возразить редактору: локальный порядок взаимодействия закреплял за корреспондентом эту возможность.

Гораздо чаще редактор не отвечал на письмо. В «Почтовом ящике» он сообщал корреспондентам, что «на все письма ответить нет возможности», «на все письма не отвечаем». Более того, случалось, что корреспондент отправлял десятки заметок и не получал ответа («Сатурину. Зря сердитесь. Бывает нам иногда присылают и по 30 корреспонденций и все явно негодные» [Почтовый ящик 1925]). То есть секвенция в этом случае обрывалась на письме корреспондента.

Получается, что схема очередности в коммуникации редакторов и корреспондентов «Безбожника» почти всегда состояла из двух или трех ходов, и в половине случаев секвенция обрывалась на реплике корреспондента. Почему так получалось?

Редактор настаивал, что его ответным ходом является «помещение или не помещение» заметки в газете. То есть какой бы сюжет ни затронул корреспондент, редактор произвольно закреплял за собой право судить с позиции «лучше знающего»: ему по умолчанию виднее, что и как нужно говорить о чем угодно. Поэтому в большинстве случаев редактор воспринимал даже утвердительное корреспондентское письмо как запрос на подтверждение¹ и давал либо положительный ответ (публиковал письмо), либо отрицательный (не публиковал). При этом он не открывал возможность для ответного хода и не предлагал согласовать правки. В такой ситуации корреспонденту было трудно в ответ исправить действие редактора, например настоять, чтобы письмо было опубликовано без правок. Для этого нужно было инициировать потенциально конфликтную ситуацию и рискнуть лицом (к тому же ответный ход требовал дополнительных затрат на бумагу и марку).

Получается, что традиционный для КА анализ очередности в разговоре предлагает довольно скудный вывод: действия корреспондентов либо исчезали в ответном безмолвии, либо, независимо от того, какими задумывались, срабатывали всегда одинаково. Остается неразрешенным вопрос о том, какой смысл придавали своим действиям корреспонденты. Выход, как мне кажется, можно найти в другой конверс-аналитической интуиции — в представлении о том, что собеседники на каждом шаге моделируют образ и действия друг друга и маркеры этого моделирования вшиты в их реплики.

¹ О том, что реплика с утвердительным синтаксисом может сработать как утверждение или как запрос на получение или подтверждение информации в зависимости от эпистемического статуса говорящего, см.: [Heritage 2012: 3].

Эпистемический статус и позиционирование участников

Одним из источников теоретизирования в КА является представление о том, что основатели КА определили как *recipient design*, или моделирование получателя, т.е. множество способов, с помощью которых собеседники ориентируются друг на друга [Сакс и др. 2015: 187–188]. Один из таких способов предполагает, что участники в каждый момент разговора учитывают эпистемический статус друг друга и в соответствии с этим просчитывают свои действия. Харре сказал бы «занимают позицию».

Эпистемический статус подразумевает доступ участников взаимодействия к определенной области знания в конкретный момент. Он дает соответствующие права и налагает ответственность в отношении этого знания. Участники очень чутко следят за эпистемическими статусами друг друга и за их соотношением и в зависимости от этого проектируют свои действия [Stivers et al. 2011].

Нужно уточнить, что в одной реплике могут происходить разные позиционирования [Langenhove, Harré 1999: 17]. Участники занимают позиции одновременно в отношении множества нарративов и других элементов контекста, например в отношении институциональных характеристик. Как подчеркивают конверсационные аналитики, институциональность взаимодействия не вписана статично в контекст, участники маркируют и поддерживают ее в процессе взаимодействия [Heritage 1998]. То есть институциональность, наряду с нарративами, выступает источником смысла и целеполагания для участников взаимодействия. Но здесь я рассматриваю только один элемент контекста: еврейские нарративы.

Вспомним сообщение И. Вайсборда:

Когда еврейскому мальчику исполняется 13 лет — он по религиозному закону считается уже совершеннолетним и своею шкурою отвечает за свои грехи (раньше за них отвечали родители). Но самое главное он надевает «тфилим».

Отсюда можно вывести, что Вайсборд считал, что лучше или по крайней мере не хуже, чем редактор, знает, как устроена еврейская жизнь. Как исследователь это понимает?

Аналитический подход КА предполагает, что разговор содержит ресурсы для его наблюдения и распознавания. Говорящий создает свою реплику так, чтобы она была анализируема собеседником. Поэтому исследователю не нужны дополнительные инструменты для анализа. Он должен обладать такой же компетенцией, как участники разговора, как любой читатель на уровне восприятия языка [Корбут 2015: 123]. Поэтому исследователь должен задаться вопросом, по каким признакам он

понимает, что Вайсборд не просто знает о еврейских практиках, а говорит «как еврей». Ответ может быть следующим. Вайсборд непринужденно, без спотыкания (т.е. привычно) использует слова, которые обозначают феномены и практики еврейской жизни. Он легко их категоризирует («тфилим» — самое главное), и основания такой категоризации неясны внешнему наблюдателю, Вайсборд их не поясняет (мол, это само собой разумеется). При этом он использует экспрессивную лексику («своею шкурою»), т.е. чувствует себя вполне свободно. Он отсылает к норме, предписываемой еврейскими нарративами, как к актуальной (использует глаголы в настоящем времени), т.е. знает, что в этой области актуально, а что нет. Заключает слово «тфилим» в кавычки (показатель «чужой речи»), но не объясняет, что это, а просто отмечает для читателя, что слово тому чужое. И самое важное, Вайсборд говорит так, будто уверен, что редактор его не оспорит. Вероятно, это впечатление нужно пояснить.

Когда участник взаимодействия формирует свою реплику, он пытается спрогнозировать, как эпистемический статус собеседника соотнесется с его собственным. Другими словами, он прикидывает, больше, меньше или столько же собеседник знает об обсуждаемом предмете. Говорящий заинтересован в том, чтобы как можно точнее обозначить свой относительный эпистемический статус. Тогда собеседник его не оспорит и реплика будет успешной [Heritage, Raymond 2021: 42]. Если говорящий не уверен в своем приоритетном эпистемическом статусе, он старается смягчить свою реплику, например фразой «Поправьте меня, если я ошибусь». Возможно, аналогом такой фразы могут быть корреспондентские реплики «в скобках» вроде «Напечатайте, если подойдет». Но Вайсборд говорит с позиции эпистемического превосходства, смягчающих маркеров в его реплике нет. Вероятно, он считает, что имеет право так говорить, что у него есть соответствующий статус.

Интересно ответное действие редактора. Он опубликовал первое предложение без изменений, т.е. согласился с позиционированием Вайсборда и допустил религиозный нарратив на страницы антирелигиозной газеты.

Еврейская речь во взаимодействии

Еврейской речью я буду называть воспроизведение еврейских сюжетов с позиции эпистемического превосходства. Предлагаю читателю понаблюдать, как во взаимодействии корреспондентов с редактором «Безбожника» еврейские сюжеты поддерживались и опровергались. Или не воспроизводились вовсе, что тоже могло быть значимо. Разберу три примера.

Пример 1. Михаил Рабинович

Где Гомельский окрсовет?

В с. Рогини местные безбожники организовались в ячейку «союза безбожников». Написали протокол об организации и решили отослать его в Гомельский окрсовет, ибо районного совета у нас нету. Едучи в город по делу, я заодно взял с собой и протокол. Думаю, зайду да и сдам, одновременно возьму билеты и указания по работе.

Зашел я в Дом советов и Союзов. Подхожу к дежурному милиционеру и спрашиваю: «Где тут Окрсовет «Союза Безбожников». — Ступайте на 3-й этаж, там найдете. Пошел я на 3-й этаж, искал, искал, нету. Захожу в Окрпрофсовет и спрашиваю, не знаете-ли вы. — Как же, отвечают, окрсовет «Безбожников» в АПО окружкома партии. Пошел я в АПО, а там меня, что по лбу: «Никакого окрсовета у нас нет, идите в окружной инспектариат нарообраза». Я в инспектариат, а там отвечают: «т. Лозбень, действительно председатель окрсовета, но его нет ушел, а где окрсовет, не знаем». Плюнул я в сердцах, засунул протокол поглубже в карман, да и поехал с ним назад в «Рогинь».

Спрашивается, кому как не АПО парткома и нарообразу знать, где окрсовет «Безбожников»? Где же выполнение указаний ЦК об усилении внимания антирелигиозной работе? И все-таки, где-же гомельский окрсовет?

Надеюсь, что на все эти вопросы соответствующие парторганы дадут точный ответ.

Избач Мих. Рабинович.

*п/о Чечора, Гомельского окр., Белоруссия, село Рогинь.
28/VIII-28 г. [ГАРФ. Ф. Р-5407. Оп. 2. Д. 52. Л. 4-5]¹.*

Это письмо попало в редакцию газеты «Безбожник» опосредованно. Михаил Рабинович отправил его в газету «Беднота». Оттуда письмо два с половиной месяца спустя перенаправили в редакцию «Безбожника» со словами: «Пересылаем Вам корреспонденцию тов. Рабинович, как более подходящую для использования в Вашей газете». Несмотря на такой путь, мне кажется возможным разобрать это письмо как пример, где автор-еврей высказывался от своего имени в значимом с точки зрения еврейских нарративов антирелигиозном контексте. Тем более что письмо все равно оказалось в ситуации взаимодей-

¹ Сокращения в тексте письма: окрсовет — окружной совет Союза безбожников, АПО — отдел агитации и пропаганды (агитпропотдел). Здесь и далее все особенности текста источника сохранены.

ствия, на него отреагировали два собеседника, т.е. оно «сработало», воплотилось в социальную реальность.

Рабинович представляется избачом, т.е. руководителем избычитальни. Возможно, он также организатор местной ячейки Союза безбожников, по крайней мере показывает себя как подчеркнуто активного ее члена. Обратим внимание на язык письма: корреспондент использует просторечные слова и обороты («нету», «зайду да и сдам», «там меня, что по лбу»), берет название села в кавычки, но при этом хорошо владеет бюрократическим языком аббревиатур и сокращений, использует его легко и не искажает синтаксис, новые советские слова ему «не мешают» и гладко вплетены в его речь. Виден некоторый зазор между практиками, на владение которыми автор претендует, и практиками, которые действительно маркированы в его речи. Это скорее практики интеллигента, чем крестьянина¹, и внимательный собеседник имеет возможность уличить Рабиновича в самозванстве.

Но для настоящего исследования здесь важно другое. Автор письма, высказываясь от своего имени, полностью игнорирует свое еврейство. Он делает вид, что вопрос о совмещении еврейских и антирелигиозных нарративов непроблематичен. Между тем в этот исторический период еврейский и антирелигиозный нарративы очевидно конфликтовали. В еврейском традиционном нарративе категории этнической и религиозной идентичности были однозначно слиты: нельзя было быть евреем и не соблюдать религиозные практики. Однако Рабинович не участвует в разрешении этого нарративного конфликта, как это делает Л.Н. Строчковский, чье письмо приведено ниже. Более того, Рабинович вообще не воспроизводит еврейский нарратив в значимом контексте и тем самым как будто выключает себя из сообщества евреев.

Продолжая мысль Витгенштейна о значении как употреблении [Витгенштейн 1994: 99], можно сказать, что еврейская речь, воспроизводящая еврейские нарративы, существует, пока воплощается в социальную реальность, в том числе через утверждение ее территорией чьих-то эпистемических прав и ответственности. В этом письме Рабинович присваивает эпистемическую территорию советских форм жизни, т.е. позиционирует себя как советского человека, но сдает позиции как еврей (и, замечу, как интеллигент).

¹ О представителях интеллигенции, пишущих от лица рабочих и сельских корреспондентов, см.: [Gorham 1996: 415, примеч. 11, 22]. Об идеальном языке «новой советской интеллигенции», совмещающем «органическую» народную лексику с легкостью в обращении с советским словарем, см.: [Там же: 418–422].

Пример 2. Л.Н. Строковский (Кор. 95)

Вместо богомольного гама — массовая культурбота.

Хоральная синагога — одна из лучших синагог Ростова н/Д. Частые выступления горластых канторов привлекали множество народа, главным образом кустарей. Община копила деньги, ребя жил припеваючи. Верующие гордились этим и говорили: — «Сам Иегова ведает синагогой и защищает ее от напастей безбожников!» И средствами, и силами кустарей процветала синагога. Здесь они проводили свои свободные часы не так в молитве, как в различных житейских разговорах о своей кропотливой жизни, потому что некуда им больше идти, негде встретиться. Не было у кустарей клуба — была лишь синагога. Предложение Донкустремсоюза о занятии синагоги под клуб было вынесено на общее собрание кустарей, на котором, большинством голосов, предложение было принято. Сплоховал Иегова! Не крепка его защита. Крепнет сознание кустарей-евреев, с таким успехом одурманивающихся раньше раввинами для общего блага с купцами и фабрикантами. С радостью начали кустари подготовку к торжественному открытию клуба, приуроченному к 11ой годовщине Октября.

20/X-1928. Кор. 95.

Адрес автора: г. Ростов-Дон, Почтамт, Г.С.П. Л.Н. Строковскому [ГАРФ. Ф. Р-5407. Оп. 2. Д. 3. Л. 1].

Л.Н. Строковский, в отличие от автора предыдущего письма, не избегает еврейской темы. Он показывает собеседнику, что и локальный контекст, и атрибуты еврейской жизни — это его эпистемическая территория. «Хоральная синагога — одна из лучших синагог Ростова н/Д» — оценочное суждение от собственного лица, т.е. каков бы ни был источник суждения (сам ли он его вынес или присоединился к чьему-то голосу), Строковский его разделяет. Тем самым он заявляет об эпистемическом доступе 1) (как местный житель) к информации обо всех синагогах города, 2) (как еврей) к информации о свойствах синагог вообще, т.е. он знает, какие из них можно считать хорошими, а какие нет. Более того, вынося оценку, он претендует на авторитетность в этом вопросе: он знает, какие синагоги считать хорошими, по крайней мере не хуже, чем редактор и потенциальные читатели «Безбожника». Подтверждение того, что Строковский настаивает на своем еврействе, можно найти не только в структурных элементах его реплики, но и в содержании. Во фразе «Здесь они проводили свои свободные часы не так в молитве, как в различных житейских разговорах о своей кропотливой жизни, потому что некуда им больше идти, негде встретиться» Строковский утверждает:

еврейская идентичность не включает с необходимостью религиозную составляющую, и не включала ее прежде, ведь еврейские кустари собирались в синагоге не для молитвы, а для светских объединяющих практик. Эта мысль в некоторой степени соотносится с намерением редакторов «Безбожника» трактовать еврейские повседневные практики не как обусловленные религиозной обрядностью, а как «следы влияния истории еврейского народа» и, следовательно, еврейскую идентичность как основанную на длительной социальной сплоченности и совместном проживании исторических событий, а не на религиозных практиках [Письмо корреспондентам 1926]. Здесь, вероятно, мы видим изменение нарратива о правильном еврее: теперь это необязательно еврей, соблюдающий религиозные заповеди. Продолжение этой сюжетной линии можно найти в постсоветский период:

Сара Р., 82-летняя жительница Бруклина, родом из Деражни, маленького города в Украине <...> объясняет, почему еврейские законы (запрещающие употребление свинины) не имеют для нее значения: «потому что только еврейская душа может сделать еду кошерной». Сара никогда не была в синагоге и не празднует никаких еврейских праздников. Она не знает ни одной еврейской молитвы. Она регулярно отмечает годовщину Октябрьской революции (7 ноября), Новый год и Первое мая. И все же три десятилетия назад Сара настаивала, чтобы трое ее детей вступили в браки с евреями, а сейчас она крайне обеспокоена любовными отношениями своего внука [с нееврейкой] [Shternshis 2006: XIII] (цит. по: [Львов 2008: 16–17]).

Строковский вообще не делает антагонистичных высказываний в адрес общины (то, что «множество народа» привлекало канторское пение, — повод для легкого упрека, но не для конфронтации и тем более не для размежевания). Он также не проявляет неприязни к «верующим»: признает за ними право «гордиться» богатством общины и радоваться «процветанию» синагоги, понимает их «житейские разговоры» и сочувствует их «кропотливой жизни». Его антагонистичные утверждения направлены против религии (выказывает торжество по поводу «неудач» Иеговы), раввинов (характеризует их негативным эпитетом «одурманивающие») и «купцов и фабрикантов» (присоединяет их к негативно охарактеризованным раввинам). Но это уже элементы марксистской критики, а не еврейских нарративов. Редактор ответным ходом отверг возможность публикации, отметив: «Старо. Содержание [уже] использовано». Можно гадать, что именно редактор счел устаревшим: рассуждения о синагоге, сюжет о правильных и неправильных евреях или критику клерикалов.

Пример 3. И. Вайсборд

(см. ил. 1 на цветной вклейке)

«Бар-мицво»

Когда еврейскому мальчику исполняется 13 лет — он по религиозному закону считается уже совершеннолетним и своею шкурою отвечает за свои грехи (раньше за них отвечали родители). Но самое главное он надевает «тфилим».

Этот день называется «Бар мицво», что значит, что мальчик обязуется выполнять все заветы и приказания господни. «Бар мицво» в еврейской религиозной семье отмечается или выпивкой с раввином (кто побогаче) или хорошим обедом. Но никогда не случается, чтобы «бар мицво» сына какого-нибудь «Шмерке»-сапожника праздновалось в синагоге.

Но одно дело сын какого-нибудь Шмерке-сапожника из Монастырщины и другое дело сын барона-лорда Ротшильда из Нью-Йорка. Ведь «Шмерок» много, а Ротшильд один. [Предложение вычеркнуто, скорее всего автором, и нечитаемо. — А.Н.] Хотя барон Ротшильд и не так ревностно, как «Шмерке-сапожник» соблюдает тору и законы Иеговы, но ведь все знают, что дуракам (богачам) закон не писан. Зато у Ротшильда звону больше, чем у самого богатого «Шмерка», и Ротшильд часто трясет кошелем. А этого одного достаточно для отпущения всех совершенных грехов с авансом на год вперед. И поэтому «Бар мицво» сына барона Ротшильда недавно было величайшим событием в Нью-Йорке. Для Ротшильда сделали исключение: «бар-мицво» его сына праздновали в главной Нью-Йоркской синагоге. Произносились речи раввинами, богачами Нью-Йорка, самим Ротшильдом и его сыном «героем дня». Сын читал речь по шпаргалке, данной его учителем. Так водится на всех «бар-мицво». Гости восхищались (когда были на виду у барона, чтобы он мог слышать) «талантливым отпрыском», сравнивали с дедом... Здесь же в синагоге «угощенье» — выпивка.

Репортеры американских и многих иностранных газет снимали, записывали — вообще целый кавардак. Довольны остались все: и раввины от солидного куша, и его помощники, и репортеры.

Довольны остались и мы: пускай видит еврейский пролетариат, как раввины подлизываются ползают на карачках перед капиталистами.

И. Вайсборд.

[1928]

Письмо отредактировано и принято к публикации в журнале «Безбожник»¹ в следующем виде:

Когда еврейскому мальчику исполняется 13 лет — он по религиозному закону считается уже совершеннолетним и своею шкурою отвечает за свои грехи (раньше за них отвечали родители). Этот день называется «Бар мицво». «Бар мицво» в еврейской религиозной семье отмечается как торжество. Но никогда не случается, чтобы «бар мицво» сына какого-нибудь «Шмерке»-сапожника праздновалось в синагоге. Но другое дело когда речь идет о сыне барона-лорда Ротшильда из Нью-Йорка. Хотя у миллионера Ротшильда религиозного рвения мало, зато золота много. А этого достаточно для отпущения всех совершенных грехов плюс еще тех, которые будут совершены. И поэтому «Бар мицво» сына барона Ротшильда недавно было величайшим событием в Нью-Йорке. «Бар-мицво» его сына праздновали в главной Нью-Йоркской синагоге. Произносились речи раввинами, богачами Нью-Йорка, самим Ротшильдом и его сыном «героем дня». Здесь же в синагоге устроили в честь Ротшильда — выпивку. Еврейская поповщина, как и всякая другая лижет пятки американских богачей [ГАРФ. Ф. Р-5407. Оп. 2. Д. 69. Л. 7-8].

Здесь Вайсборд занимает позиции в отношении нескольких нарративов: еврейского, марксистского, антиклерикального. Он также позиционирует себя как мало понимающего в редакторском (или писательском?) деле. Редактор в ответ корректирует антиклерикальную и марксистскую критику Вайсборда («Еврейская поповщина, как и всякая другая лижет пятки американских богачей»), т.е. позиционирует себя как лучше знающего эти нарративы. Кроме того, он вычищает из текста Вайсборда нестройные конструкции, т.е. позиционирует себя как профессионального редактора. Любопытно, что ни автор, ни редактор не вводят в свое взаимодействие антирелигиозный нарратив. Редактор не оспаривает утверждения автора письма о еврейских практиках. Вайсборд утверждает (и полагает, что его собеседник тоже готов так считать), что быть евреем — это нормально и обыкновенно, для «еврейского мальчика» нормально отмечать «бар мицво» и читать «речь по шпаргалке, данной учителем» (так все делают), праздновать бар мицву в главной городской синагоге — привилегия, дуракам закон Торы не писан, а правильным евреям вполне писан, закон — это именно закон Торы, а не какой-нибудь другой. Слово «тфилим» Вайсборд оставляет без пояснения и не комментирует, почему

¹ Газету «Безбожник» и одноименный журнал выпускала одна редакция, которая определяла, где опубликовать то или иное корреспондентское письмо.

это «самое главное», как будто для него и для его собеседника это само собой разумеющееся явление. Но обратим внимание, что слова «тфилим» и «бар мицво» он берет в кавычки. Одна из функций использования кавычек — передача модальности, например негативного отношения автора высказывания к понятию, заключенному в кавычки [Зализняк 2007: 189–191]. Этой функцией часто пользовались редакторы «Безбожника» при употреблении лексики из религиозного словаря, одновременно показывая, что это лексика «чужого языка». Возможно, в такой функции Вайсборд использует кавычки в случае со словом «угощенье»: «тоже мне угощение» или «тоже мне эвфемизм для выпивки» (обратим внимание: выше Вайсборд прямо использует слово «выпивка»). Еще одна функция кавычек — показатель «своего смысла», когда автор маркирует незнакомое для собеседника слово, например которое сам выдумал, которого не существует [Там же 2007: 188–189, 191]. В этой функции Вайсборд использует кавычки в случае со «Шмерке»-сапожником: это выдуманный обобщенный персонаж. Но ситуация с кавычками в «тфилим» и «бар мицво» другая: это слова, не имеющие для автора письма негативной семантики, не выдуманные, не чужие для его языка, но чужие, как он предполагает, для языка адресата. Автор берет их в кавычки, чтобы подать собеседнику-нееврею сигнал о том, что слово для того необычное, что ему нужна дополнительная информация для дешифровки. Таким образом, Вайсборд в своем письме задумывает по крайней мере два действия: позиционирует себя как еврея и позиционирует собеседника как нееврея. При этом, в отличие от Строчковского, Вайсборд говорит не только о синагоге и общине, но и о еврейских практиках как о собственной эпистемической территории.

Заключение

Ключевой вопрос, на который я пыталась найти ответ в этой статье, — могут ли методы, рассматривающие речь как способ совершения действий, быть применимы в работе с такими источниками, как письма? Письма всегда содержат валентность ответа, они по своей природе обладают свойством интеракционности. Это навело на мысль о поиске метода, подходящего для изучения речи во взаимодействии. При этом важно было подобрать метод, который позволил бы адекватно описать происходящее в конкретной ситуации взаимодействия.

Я предположила, что теория позиционирования Харре и конверсационный анализ могут сработать в паре. Конверсационный анализ благодаря его трепетному вниманию к микромеханике речевого взаимодействия позволил сделать выводы, основанные

на наблюдении, а не на предположениях. Теория позиционирования Харре навела на мысль о значимости нарративов, владение которыми среди прочего конституирует сообщество. На конкретных примерах я попыталась показать, что эти методы не просто применимы, но и могут давать значимые результаты для исследований по истории еврейской идентичности. Например, позволяют увидеть, какие действия совершали конкретные люди в конкретный исторический момент. Так, один из героев этого исследования в своем письме поддержал еврейские нарративы, другой их не поддержал, а третий попытался изменить.

Цви Гительман называл язык в числе признаков «плотной культуры», которой у советских евреев не было. Если принимать во внимание не только язык, но и речь, мы получим еще один аргумент в споре с тезисом Гительмана о «тонкой культуре» советских евреев. Речь, понимаемая как практика воспроизведения определенных культурных смыслов, у советских евреев очевидным образом не исчезала.

Благодарности

Исследование проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А.И. Клячина. Я благодарю анонимных рецензентов первого варианта статьи. По их замечаниям статья была существенно переработана.

Сокращения

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

Архивные материалы

ГАРФ. Ф. Р-5407. Оп. 2. Д. 3. Письма из г. Свердловска о недостаточно четкой работе ВЦИК по утверждению постановлений ОКРИКа (окружной исполнительный комитет) о закрытии церквей и письмо из Ростова о передаче помещения синагоги под клуб. 1926 г.

ГАРФ. Ф. Р-5407. Оп. 2. Д. 52. Корреспонденция, присланная из газет «Беднота», «Рабочая Москва», журнала «Пролетарий связи» и т.д. в редакцию газеты «Безбожник». 1928 г.

ГАРФ. Ф. Р-5407. Оп. 2. Д. 69. Статьи, заметки и прочая корреспонденция, присланная в редакцию для журнала «Безбожник». 1928 г.

Источники

Кипнис И. Месяцы и дни. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 140 с.

Левин Д. Десять вагонов. М.; Л.: Молодая гвардия; ОГИЗ, 1931. 224 с.

Маллори Д. Евреи на земле // Безбожник [журн.]. 1927. № 21. С. 6–7.

- Письмо корреспондентам // Безбожник [газ.]. 1926, 17 янв.
Почтовый ящик // Безбожник [газ.]. 1925, 1 марта.
Почтовый ящик // Безбожник [газ.]. 1927, 6 фев.
Чужак Н.Ф. Писательская памятка // Чужак Н.Ф. (ред.). Литература факта: первый сборник материалов работников ЛЕФа. М.: Захаров, 2000. С. 9–28.
Шур Я. Еврейская религия и дети // Безбожник [газ.]. 1926, 25 июля.

Библиография

- Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культуросоциология / Пер. с англ. Г.К. Ольховникова под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Праксис, 2013. 640 с.
- Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы: В 2 т. / Пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева; сост., вступ. ст. и коммент. М.С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 75–320.
- Зализняк А.А. Семантика кавычек // Иомдин Л.Л., Лауфер Н.И., Нариньяни А.С., Селегей В.П. (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Междунар. конф. «Диалог 2007». М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 188–193.
- Корбут А.М. Говорите по очереди: нетехническое введение в разговорный анализ // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 120–141.
- Львов А. Штетл в XXI в. и этнография постсоветского еврейства // Дымшиц В.А., Львов А.Л., Соколова А.В. (сост.). Штетл, XXI век: полевые исследования. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 9–26.
- Сакс Х., Щеглофф Э., Джефферсон Г. Простейшая систематика организации очередности в разговоре // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 142–202.
- Харре Р. Материальные объекты в социальных мирах // Вахштайн В. Социология вещей: Сб. статей. М.: Территория будущего, 2006. С. 118–133.
- Austin J.L. How to Do Things with Words: The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955. Oxford: Oxford University Press, 1962. VIII+168 p.
- Davies B., Harré R. Positioning: The Discursive Production of Selves // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1990. Vol. 20. No. 1. P. 43–63. doi: 10.1111/j.1468-5914.1990.tb00174.x.
- Gitelman Z. Thinking about Being Jewish in Russia and Ukraine // Gitelman Z., Glants M., Goldman M.I. (eds.). Jewish Life after the USSR. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2003. P. 49–60.
- Gorham M.S. Tongue-Tied Writers: The Rabsel'kor Movement and the Voice of the "New Intelligentsia" in Early Soviet Russia // The Russian Review. 1996. Vol. 55. No. 3. P. 412–429. doi: 10.2307/131792.

- Harré R., Moghaddam F.M., Cairnie T.P., Rothbart D., Sabat S.R. Recent Advances in Positioning Theory // *Theory & Psychology*. 2009. Vol. 19. No. 1. P. 5–31. doi: 10.1177/0959354308101417.
- Heritage J. Conversation Analysis and Institutional Talk: Analyzing Distinctive Turn-Taking Systems // Cmejrkova S., Hoffmannova J., Mullerova O., Svetla J. (eds.). *Proceedings of the 6th International Congress of International Association for Dialog Analysis*. Tübingen: Niemeyer, 1998. P. 3–17. (Dialoganalyse VI. Vol. 2). doi: 10.1515/9783110965049-001.
- Heritage J. Epistemics in Action: Action Formation and Territories of Knowledge // *Research on Language and Social Interaction*. 2012. Vol. 45. No. 1. P. 1–29. doi: 10.1080/08351813.2012.646684.
- Heritage J., Raymond C.W. Preference and Polarity: Epistemic Stance in Question Design // *Research on Language and Social Interaction*. 2021. Vol. 54. No. 1. P. 39–59. doi: 10.1080/08351813.2020.1864155.
- Jefferson G. Glossary of Transcript Symbols with an Introduction // Lerner G.H. (ed.). *Conversation Analysis: Studies from the First Generation*. Amsterdam; Philadelphia, PA: John Benjamins, 2004. P. 13–31. doi: 10.1075/pbns.125.02jef.
- Langenhove L. van., Harré R. Introducing Positioning Theory // Harré R., Langenhove L. van (eds.). *Positioning Theory: Moral Contexts of Intentional Action*. Oxford: Wiley-Blackwell, 1999. P. 14–31.
- Shternshis A. *Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2006. XXIII+253 p.
- Stivers T., Mondada L., Steensig J. Knowledge, Morality and Affiliation in Social Interaction // Stivers T., Mondada L., Steensig J. (eds.). *The Morality of Knowledge in Conversation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 3–24. doi: 10.1017/CBO9780511921674.002.

Interaction between Jewish Correspondents and the Editor of the Anti-Religious Newspaper *Bezbozhnik*: Positioning of Participants in Relation to Jewish Collective Meanings

Alesya Nekrasova

Independent researcher
St Petersburg, Russia
nelesy2@gmail.com

This article examines the interaction between Jewish correspondents and the editors of the anti-religious newspaper *Bezbozhnik*. The correspondent's letter is treated as a turn at talk designed and produced so as to be recognized by interlocutor. In this turn at talk, the correspondent takes a certain epistemic position and simul-

taneously ascribes an epistemic position to the interlocutor in relation to the narratives. Narratives are treated as elements of the social context from which the interlocutors take the intents for their actions. The task of the study is to understand how a unit act and a narrative are coupled in interaction; that is, how Jewish correspondents position themselves and the editors in relation to Jewish narratives. The article aims to reveal the mechanics of this positioning and to identify positioning markers that the correspondent placed in their turn at talk for the interlocutor. For this purpose, the author uses the principles of conversational analysis and the positioning theory developed by Rom Harré. Three letters with traditional Jewish themes are drawn on as examples. They are dedicated to the celebration of the boy's coming-of-age (bar mitzvah), the synagogue as a meeting place for the community, and what a real Jew should be like.

Keywords: positioning theory, conversation analysis, epistemic status, Jewish narratives, rabselkor movement, *Bezbozhnik* newspaper.

Acknowledgments

The study was conducted within the framework of the Grant Program provided by the Research Center of the Jewish Museum and Tolerance Center Private Cultural Institution (Moscow) with the financial support of A. I. Klyachin. I am grateful to my anonymous reviewers whose comments helped me to improve the article considerably.

References

- Alexander J. C., *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. New York: Oxford University Press, 2003, XII+296 pp.
- Austin J. L., *How to Do Things with Words: The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955*. Oxford: Oxford University Press, 1962, VIII+168 pp.
- Brockmeier J., Harré R., 'Narrative: Problems and Premises of an Alternative Paradigm', *Research on Language and Social Interaction*, 1997, vol. 30, no. 4, pp. 263–284. doi: 10.1207/s15327973rlsi3004_1.
- Davies B., Harré R., 'Positioning: The Discursive Production of Selves', *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 1990, vol. 20, no. 1, pp. 43–63. doi: 10.1111/j.1468-5914.1990.tb00174.x.
- Gitelman Z., 'Thinking about Being Jewish in Russia and Ukraine', Gitelman Z., Glants M., Goldman M. I. (eds.), *Jewish Life after the USSR*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2003, pp. 49–60.
- Gorham M. S., 'Tongue-Tied Writers: The Rabsel'kor Movement and the Voice of the "New Intelligentsia" in Early Soviet Russia', *The Russian Review*, 1996, vol. 55, no. 3, pp. 412–429. doi: 10.2307/131792.
- Harré R., 'Material Objects in Social Worlds', *Theory, Culture & Society*, 2002, vol. 19, no. 5–6, pp. 23–33. doi: 10.1177/026327640201900502.

- Harré R., Moghaddam F. M., Cairnie T. P., Rothbart D., Sabat S. R., 'Recent Advances in Positioning Theory', *Theory & Psychology*, 2009, vol. 19, no. 1, pp. 5–31. doi: 10.1177/0959354308101417.
- Heritage J., 'Conversation Analysis and Institutional Talk: Analyzing Distinctive Turn-Taking Systems', Cmejrkova S., Hoffmannova J., Mullerova O., Svetla J. (eds.), *Proceedings of the 6th International Congress of International Association for Dialog Analysis*. Tübingen: Niemeyer, 1998, pp. 3–17. (*Dialoganalyse VI*, vol. 2). doi: 10.1515/9783110965049-001.
- Heritage J., 'Epistemics in Action: Action Formation and Territories of Knowledge', *Research on Language and Social Interaction*, 2012, vol. 45, no. 1, pp. 1–29. doi: 10.1080/08351813.2012.646684.
- Heritage J., Raymond C. W., 'Preference and Polarity: Epistemic Stance in Question Design', *Research on Language and Social Interaction*, 2021, vol. 54, no. 1, pp. 39–59. doi: 10.1080/08351813.2020.1864155.
- Jefferson G., 'Glossary of Transcript Symbols with an Introduction', Lerner G. H. (ed.), *Conversation Analysis: Studies from the First Generation*. Amsterdam; Philadelphia, PA: John Benjamins, 2004, pp. 13–31. doi: 10.1075/pbns.125.02jef.
- Korbut A., 'Govorite po ocheredi: netekhnicheskoe vvedenie v konversatsionnyy analiz' [Turn-Talking: Non-technical Introduction to Conversation Analysis], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2015, vol. 14, no. 1, pp. 120–141. (In Russian).
- Langenhove L. van., Harré R., 'Introducing Positioning Theory', Harré R., Langenhove L. van (eds.), *Positioning Theory: Moral Contexts of Intentional Action*. Oxford: Wiley-Blackwell, 1999, pp. 14–31.
- Lvov A., 'Shtetl v XXI v. i etnografiya postsovetskogo evreystva' [Shtetl in the 21st Century and Ethnography of Post-Soviet Jewry], Dymshits V. A., Lvov A. L., Sokolova A. V. (comp.), *Shtetl, XXI vek: polevye issledovaniya* [Shtetl, 21st Century: Field Research]. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2008, pp. 9–26. (In Russian).
- Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G., 'A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation', *Language*, 1974, vol. 50, no. 4, pt. 1, pp. 696–735. doi: 10.2307/412243.
- Shternshis A., *Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2006, XXIII+253 pp.
- Stivers T., Mondada L., Steensig J., 'Knowledge, Morality and Affiliation in Social Interaction', Stivers T., Mondada L., Steensig J. (eds.), *The Morality of Knowledge in Conversation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011, pp. 3–24. doi: 10.1017/CBO9780511921674.002.
- Wittgenstein L., *Philosophische Untersuchungen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1953, 268 pp.
- Zalizniak A. A., 'Semantika kavychek' [The Semantics of Inverted Commas], Iomdin L. L., Laufer N. I., Narinyani A. S., Selegey V. P. (eds.), *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Trudy Mezhdunar. konf. "Dialog 2007"* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2007"]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2007, pp. 188–193. (In Russian).

